

Зайлийского Алатау, вёрст двадцать семь, до выходящей из снежных гор реки Кескелена—значительного притока реки Или. Погода была пасмурная и превратилась в дождливую.

Проехав вёрст сорок по подгорью Зайлийского Алатау на запад от Верного и спустившись в пересекавшую наш путь глубокую ложбину, мы слышали там отчаянные крики. Каракиргизская баранта грабила небольшой узбекский караван, который шёл в Верное. Когда мы прискакали на помощь каравану, сарыбагиши бежали, не успев ограбить караван: мы застали их в тот момент, когда они уже разували узбеков для того, чтобы отнять у них хранимые ими в сапогах деньги. Не теряя времени в разговорах с узбеками, я с частью своих казаков бросился преследовать баранту. Преследование это продолжалось часа два и кончилось тем, что барантачам, побросавшим свою верхнюю одежду, всё-таки удалось ускакать от нас. Под конец преследования оставались впереди нас только три отставших барантача, но и с нашей стороны большинство преследовавших отстало вследствие усталости лошадей, и при мне остался только мой казак-переводчик, так как мы имели самых лучших лошадей. Да и мы, так же как и преследуемые каракиргизы, ехали уже шагом, на расстоянии двухсот метров друг от друга. Стрелять в безоружных я не хотел, а потому и решил возвратиться к месту, назначенному мной нашим биваком, что тем более было необходимо, что преследуемые пустили пал на высохшей степи по ветру, дувшему нам в лицо. Мы избегли встречи с огненной стеной, спустившись во встреченную нами глубокую ложбину, а затем устроились в ней и на ночлег.

22 сентября погода немного разъяснилась: туман рассеялся и даже показались горы со своими снежными вершинами. Пройдя вёрст тридцать к юго-востоку до речки Чемолгана, мы вынуждены были сделать здесь продолжительную остановку в ожидании свежих киргизских лошадей, так как казачьи, на которых мы выехали из Верного, оказались непригодными для нашего дальнего и трудного похода. К вечеру погода опять испортилась, и дождь продолжался до глубокой ночи.

23 сентября мы вышли с Чемолгана рано поутру на свежих киргизских лошадях среди непроницаемого тумана. Дорога наша была затруднена тем, что пришлось переходить через частую сеть пересекающих подгорье глубоких ложбин с крутыми обрывами. Через четыре часа пути мы достигли реки Узун-агача, на которой сделали полуденный привал. Осенняя растительность степи хотя уже несколько поблёкла, но не совсем высохла, в особенности бросались в глаза розовые цветы высоких мальв (*Althaea officinalis* и *Lavatera thuringiaca*), светлоголубые—цикория (*Cichorium intybus*), бледножёлтые—софор (*Sophora alopecuroides*) и тёмносиние—степного шалфея (*Salvia silvestris*). Цвёл ещё очень распространённый здесь солодковый корень (*Glycyrrhiza aspera*).

Во время нашего привала погода совершенно разгулялась: в два часа пополудни было  $+18^{\circ}\text{C}$ . Мы тронулись в путь и вёрст через двадцать добрались до реки Кара-Кастека. Здесь, при ясной погоде, ожидала нас